

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

Лев Толстой

АННА
КАРЕНИНА

Санкт-Петербург

Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>

РОМАН О СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

«Анна Каренина» — одна из вершин мировой литературы, классический образец любовного романа, неизменно занимающий верхние строчки во всех составляемых издательствами, газетами или критиками списках самых читаемых произведений. Роману посвящена обширная литература, он многократно ставился на сцене и уже более тридцати раз был экранизирован. Однако жанровая природа этого текста сложна, она не сводится к истории трагической любви, и определять шедевр Толстого только как «любовный роман» было бы неверно.

На первый взгляд автора «Анны Карениной» интересует частная жизнь людей, вернее, их жизнь в семейном кругу: Анна и Каренин, Анна и Вронский, Долли и Облонский, Кити и Лёвин. Толстой исследует законы, управляющие судьбами счастливых и несчастливых семейств. Это подтверждает и известная запись в дневнике Софьи Андреевны Толстой, передававшей слова мужа: «Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную мысль. В „Войне и мире“ я любил мысль народную, в „Анне Карениной“ — мысль *семейную*...» И тем не менее роман «Анна Каренина», начатый как камерный, постепенно превратился в своеобразную энциклопедию русской жизни 1870-х годов. В нем идут споры по всем идейным вопросам, занимавшим тогда общество, — прежде всего экономическим и социальным, а также философским. Показаны административная деятельность, увлечения и моды, быт офицеров гвардейских полков, жизнь высшего света, будни помещичьего хозяйства, крестьянские полевые работы, выражена точка зрения Толстого на искусство. Роман вместил очень многие размышления и наблюдения Толстого после написания «Войны и мира». Его интересовала именно становящаяся пореформенная Россия или, как говорил Бахтин, обусловленность судеб отдельных людей «контактом с живой незавершенной современностью».

К этой теме писатель пришел не сразу. В начале 1870-х Толстой увлекся идеей написания романа из Петровской эпохи, главным героем которого должен был стать человек из народа, будущий сподвижник великого реформатора Алексахка Меншиков. Однако в 1873 году

этот замысел был оставлен. Несмотря на целую библиотеку прочитанных материалов, Толстому никак не удавалось представить себе то, что он собирался описывать. Он признавался: «Никак не могу живо восстановить в своем воображении эту эпоху, встречаю затруднения в незнании быта, мелочей в обстановке, и это тормозит мою работу». От исторической тематики склонный к крайностям и противоречиям автор невольно перешел к известной ему во всех деталях современности. Произошло это неожиданно даже для самых близких людей. 18 марта 1873 года писатель случайно заглянул в лежавшую на столе книгу и прочел начало неоконченной «светской повести» Пушкина: «Гости съезжались на дачу...» Восхитившись этим началом, Толстой тут же набросал первую фразу будущего романа: «Все смешалось в доме Облонских...», а уже потом добавил к ней другую фразу, ставшую организующим стержнем всего замысла: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Работа закипела. Уже в самом первом наброске были очерчены персонажи, в которых можно узнать будущих Анну, Каренина и Вронского (хотя они еще носили другие имена). Однако и эти герои, и общий смысл романа — иные. Будущий Каренин — чужак-ученый, полный «сердечной доброты и невинности», милый и кроткий человек, страдающее лицо в романе. Его неверная жена поддалась «дьявольскому наваждению», в ней проявилось «вызывающее и дерзкое» начало; увлеченная страстью, она видит в своем муже только отрицательные качества. Высший свет изображался сатирически.

Толстой с большим воодушевлением работал над романом, быстро создал план и черновые варианты отдельных глав. 11 мая 1873 года он известил своего друга критика Николая Страхова о том, что «начерно кончил» роман. Однако до конца работы было еще очень далеко. Первоначальный вариант неоднократно перерабатывался, Толстой охладевал к своему замыслу, потом снова брался за работу. Однако, как отмечают исследователи, при всех многочисленных вариантах и переделках Толстой был сосредоточен исключительно на раскрытии одной темы — «семейной мысли». Не случайно в качестве одного из названий Толстой рассматривал и такое — «Два брака».

В 1875 году роман начал печататься в журнале «Русский вестник». Интерес к нему был огромный. Светские дамы посылали слуг в типографию, чтобы выведать у наборщиков содержание следующих глав. Читатели и критики спорили о том, является ли история, рассказанная Толстым, подлинной или это чистый вымысел.

Конечно, сюжет о неверной жене имел свои литературные и жизненные предыстории и прототипы. Одной из таких предысторий была трагическая судьба Анны Степановны Пироговой — сожительницы

помещика Бибикова, ближайшего соседа Толстых в Тульской губернии. Поссорившись с Бибиковым, охваченная ревностью, эта женщина покончила с собой, бросившись под поезд. Во внешности и манерах Анны Карениной отразились черты дочери Пушкина — Марии Александровны Гартунг, с которой Толстой был знаком с 1868 года. На портрете, выполненном в 1860 году Иваном Макаровым, дочь Пушкина изображена так, как Толстой описывает Анну: «На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда аютиных глазок... Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивающиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу». Многие другие герои романа — Каренин, Облонский, Кознышев, Николай Лёвин — списаны со знакомых и родственников Толстого. Наконец, прямыми прототипами Константина Лёвина и Кити послужили Лев Николаевич и Софья Андреевна Толстые.

Были и прототипы литературные. Например, исследователи указывают на великий роман Гюстава Флобера «Госпожа Бовари». Во французской критике даже встречались суждения о том, что «Анна Каренина», в сущности, типичный французский роман. Однако Толстого привлекла в романе Флобера не столько история любовных увлечений скужающей жены провинциального доктора, сколько техника исполнения — необыкновенная выразительность флюберовской детали и его умение «поселиться» в душе Эммы, смотреть на мир ее глазами и говорить ее языком. Уроки Флобера особенно заметны у Толстого именно в «Анне Карениной»: только здесь, в отличие, например, от «Войны и мира» и «Воскресения», он удерживается от прямых авторских оценок героев и событий.

Еще одним важным источником замысла стала посвященная громкому уголовному делу книга Александра Дюма-сына «Мужчина-женщина» (1872). Решая вопрос, как следует поступить с женой, которая бросает мужа и детей, Дюма давал недвусмысленный ответ: «Убей ее!» Толстой, всегда бывший противником насилия, не мог согласиться с французским писателем. Некоторые исследователи полагают, что «Анна Каренина» — это полемическая реплика в споре с Дюма. Во всяком случае, именно как ответ Дюма в романе появился эпитафия из Библии, указывающий, что героиню может судить только Бог.

Как эпитафия звучит и первая строка — о счастливых и несчастливых семьях. Счастливое семейство у Толстого только одно — это Лёвин и Кити. Все остальные несчастливы, и общая неустойчивость семейных отношений говорит о неустойчивости общества в целом. Интересно, что в те же годы, когда создавался роман «Анна Каренина», Достоевский работал над романом «Подросток», где размышлял о том

же самом — о проблеме крушения родственных связей и возникновении на месте крепкой семьи того, что он назвал «случайным семейством».

Начало романа во многом парадоксально. Анна Аркадьевна приезжает в Москву, чтобы спасти семью брата — Стивы Облонского. Ее собственную семейную жизнь как будто ничто не омрачает, она выступает от имени счастливых семей. Однако это впечатление обманчиво. На самом деле счастье Анны Карениной — мнимое, но читатель узнает об этом не сразу, потому что предыстория героини и причина ее семейных несчастий раскрывается только в середине романа: это история ее замужества. Тетка Анны, богатая губернская барыня, захотела выдать племянницу за губернатора — «немолодого уже человека, но молодого губернатора». Это и был Алексей Александрович Каренин. Сомнения испытывали оба, о любви речи не шло, но тетка устроила все так, что брак состоялся. Это пролог драмы: Анна не только вышла замуж без любви, но и не знала любви. Затем жизнь ее устроилась, как казалось окружающим, самым лучшим образом. Каренин стал видным государственным деятелем (в романе он то ли министр, то ли товарищ министра внутренних дел — один из самых высоких постов в империи), — по меркам света, чтобы чувствовать себя счастливой, Анне больше нечего было желать. Но по мысли Толстого, такая женщина, как Анна, без любви прожить не сможет, и значит, ее личная драма была изначально predetermined.

Толстой создает очень сложный характер мужа Анны — Алексея Александровича Каренина. В набросках к роману автор явно сочувствовал своему герою, который представлял истинным христианином, стоически терпел обрушившиеся на него несчастья. Однако в ходе работы Толстой существенно переработал этот образ. В окончательном варианте Каренин часто показан «глазами» Анны, с ее точки зрения — так, что должен вызывать отрицательное впечатление у читателя. Этот прием заметен уже при первом появлении Каренина в романе, во время встречи на вокзале. В нем все неприятно — походка, торчащие уши, фальцетный голос, манера хрустеть костяшками пальцев. Его искусственный смех напоминает сцену из «Войны и мира»: у князя Андрея вызывает неприязнь неестественный смех Сперанского. Слово «неестественный» здесь ключевое: Толстой последовательно делил своих героев на «людей естественных побуждений» и на «искусственных», и у читателя не возникает сомнений в том, к какому из этих разрядов принадлежит Каренин.

Муж Анны отстранился от реальной жизни. «Всю жизнь свою Алексей Александрович прожил и проработал в сферах служебных, имеющих дело с отражениями жизни», — пишет Толстой. Автор ха-

рактически характеризует его деятельность либо как пустую и никчемную, либо как попросту вредную. Она направлена не столько на реальное улучшение жизни кого бы то ни было, сколько на служебные интриги, борьбу с враждебной придворно-бюрократической партией и наносит вред людям. Так, Каренин занимается «плачевным положением инородцев» — это намек Толстого на меры правительства по русификации проживавших в империи нерусских народов, которая проводилась в те годы и особенно усилится в следующее царствование. Погруженный в служебные дела, Каренин не испытывает нужды в близких и друзьях: их у него почти не было на протяжении всей жизни. У этого человека все продумано, все размерено, на все есть правила, и временами он напоминает автомат. Недаром эти черты Каренина через тридцать лет заимствовал Андрей Белый для создания гротескной фигуры сенатора Аплеухова в романе «Петербург».

Читателю вполне понятны слова Анны, когда она говорит о муже: «...он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого... он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь». Действительно, отношение Каренина к Анне в течение девяти лет их брака определялось его представлением о «должном»: жена есть необходимая принадлежность человека его положения, но в ее собственные интересы Каренин никогда не входил, полагая, что Анна должна жить так, как живет он сам.

После скачек, когда Каренин узнает, что у Анны есть любовник, он требует прежде всего соблюдения внешних приличий: ему важно, чтобы свет ничего не узнал о случившемся, чтобы не начались сплетни и пересуды. Поэтому продолжается противоестественная для Анны жизнь под одной крышей с нелюбимым мужем, которая угнетает их обоих. Затем все острее ставится проблема развода, вокруг которой строится эта линия романа. Официальный развод в России в соответствии с законодательством допускался в ряде исключительных случаев, из которых Анне и Каренину подходил только один — прелюбодействие, то есть засвидетельствованная измена одного из супругов. В этом случае решение о разводе принимали духовные власти, а супруг, уличенный в измене, подвергался позору и лишался права на повторный брак. Таким образом, Толстой ставит своего героя перед возможностью самопожертвования: если Каренин благородно возьмет на себя вину, то разрубит весь узел и облегчит положение Анны. Но это означало бы для Каренина бесчестие и конец служебной карьеры, и потому он не может пойти на такой шаг: «...в глубине души ему хотелось, чтоб она пострадала за нарушение его спокойствия и чести. И, вновь перебрав условия дуэли, развода, разлуки и вновь отвергнув их, Алексей Александрович убедился, что выход был только один —

удержать ее при себе, скрыв от света случившееся и употребив все зависящие меры для прекращения связи и, главное — в чем самому себе он не признавался, — для наказания ее». Образ героя кажется полностью завершенным.

Однако Толстой дает своему герою шанс проявить самые лучшие качества. Когда Анна после родов всерьез заболевает и оказывается на грани смерти, на Каренина нисходит христианское всепрощение, теперь он согласен на все: и терпеть свое унижительное положение дальше, и усыновить чужого ребенка, и даже дать развод, взяв вину на себя. Герой меняется на глазах, и уже Вронский не понимает, как быть: обманутый муж, смешная фигура в его глазах, приобретает вдруг невиданное величие. Вронский, не в силах смириться с создавшимся положением, предпринимает попытку самоубийства. Интересно, что самоубийство Вронского не входило в замысел Толстого: это один из классических случаев в мировой литературе, когда герой начинает «руководить» волей автора.

Однако отчуждение между Анной и ее мужем преодолеть уже нельзя. Она испытывает острое физическое отвращение к Каренину, и произошедшая с ним перемена не может повлиять на ход событий: Анна ненавидит мужа даже за его смирение (здесь психологизм Толстого вплотную смыкается с излюбленными парадоксами Достоевского). Когда Анна обращается к мужу с просьбой о разводе, Каренин отказывает ей. К этому времени от одиночества и безысходности он увлекся модным спиритизмом, и решающим для семьи Каренина и Анны становится слово француза-спирита — мошеника, как недвусмысленно дает понять Толстой. Таким образом, раскаяние, перерождение героя оказывается чем-то временным, настоящей веры и человечности Каренин не обретает.

Композиция романа полна скрытых симметрий и зеркальных повторов. Так, взаимоотношения Анны, Каренина и Вронского образуют не просто любовный треугольник, а равносторонний треугольник, причем два Алексея оказываются противоположностями. Если Каренин — гражданский чиновник, в нем нет ничего воинственного, то Вронский — офицер, и это единственный род деятельности, который дает ему возможность чувствовать себя на своем месте. Хотя точный возраст героев не указан, очевидно, что Каренин немолод, а Вронский — еще молодой человек (вполне возможно, что он моложе Анны). Если Каренин, как мы видели, воплощает рациональное начало (по свидетельству сына писателя, даже фамилия этого героя была произведена Толстым от греческого слова «каренон» — голова), то Вронский часто действует под влиянием эмоций. Если Каренин — человек во многом книжный, он постоянно читает и следит за современной

серьезной литературой, то у Вронского не прослеживается никаких интеллектуальных интересов и явно нет охоты к чтению. К этой «противоположности Каренина» и тянется Анна; встреча с Вронским пробуждает в ней любовь и жажду жизни.

Однако у двух Алексеев есть и скрытое сходство. Алексей Вронский по-своему столь же внешне безукоризнен, как и Алексей Каренин, хотя на другой манер. Это прежде всего человек чести — так о нем говорят в свете. Гранд-дама Бетси Тверская произносит: «Алексей Вронский есть олицетворенная честь». Другого мнения о нем старый князь Щербацкий: «...это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянь» — и противопоставляет его Лёвину, то есть толстовскому идеалу: «Лёвин в тысячу раз лучше человек».

Оба суждения вполне справедливы. Понятие чести для Вронского, безусловно, очень важное, но оно сложилось под влиянием высшего света, к которому герой принадлежит. Вронский в первую очередь дворянин и гвардейский офицер, и для него главное — хранить дворянскую и полковую честь, верно служить императорской фамилии. В сфере частной жизни у Вронского также есть твердые принципы, но здесь Толстой недвусмысленно показывает их абсурдность и моральную ущербность. Вронский считает, что «нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, — что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т. д.». Автор осуждает этот «моральный кодекс» и выносит приговор своему герою: «Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову».

Поиск собственного пути, а не следование общепринятым нормам и условностям — вот что важно, по мнению Толстого. Каренин и Вронский — каждый по-своему — живут в соответствии с готовыми правилами.

Вронский, как и Каренин, способен обнаружить в себе лучшие качества. В романе рассказывается, например, о том, что он уступил доход с отцовских имений старшему брату, командиру гвардейского полка, который нуждался в деньгах. Вронский честолюбив, но ради Анны готов пожертвовать служебной карьерой, причем блестящей. Герои романа живут в преддверии большой войны (Русско-турецкая война начнется в апреле 1877 года), и бывший соученик Вронского, молодой генерал Серпуховской (его возможным прототипом был генерал Скобелев) предлагает старому товарищу войти в свою военно-придворную «партию», которой предстоит большое будущее. Однако ради

любви Вронский отказывается от этой перспективы и уходит в отставку, жертвуя, таким образом, тем, что раньше считал самым главным в жизни. Наконец, Вронский способен к самокритике. Для Толстого всегда была важна способность человека посмотреть на себя со стороны. В романе есть эпизод, когда Вронский оказался прикомандирован к некоему иностранному принцу, прибывшему в Россию для изучения национальных удовольствий («...из всех русских удовольствий более всего нравились принцу французские актрисы, балетная танцовщица и шампанское с белой печатью», — иронически замечает Толстой). И Вронский, наблюдая за этим принцем, узнает в нем себя самого: «Это был очень глупый, очень самоуверенный, очень здоровый и очень чистоплотный человек — и больше ничего». Глядя на принца, Вронский думает: «Глупая говядина! Неужели и я такой?» Это еще не развитая душевная жизнь, которую выше всего ценил Толстой, но важный шаг к ней — начало сомнения и самоанализа.

Надо заметить, что современники очень по-разному трактовали образ Вронского. Сатирик-демократ Михаил Салтыков-Щедрин в 1875 году начал писать пародию на намеченную в первых главах романа любовную линию, свою повесть он хотел назвать «Влюбленный бык». Критик и идеолог народничества Николай Михайловский назвал Вронского кентавром, в котором не разберешь, где кончается превосходный кровный жеребец и где начинается человек, «доступный благородным чувствам и романтическим порываниям». А консервативный публицист, монархист и православный фундаменталист Константин Леонтьев увидел во Вронском «надежду России».

В трагедии неудавшейся семьи Анны и Вронского есть большая доля вины Вронского, и Толстой объясняет это, исходя из привычек и воспитания Вронского. Сначала любовь меняет Вронского, делает его другим человеком, но затем в его жизни все постепенно возвращается на круги своя. А в последний период совместной жизни между Анной и Вронским начинается глухая борьба. «Вронский, — отмечает Толстой, — никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе». Воспитанный таким образом, Вронский и после начала совместной жизни с Анной стремится во всем сохранить самостоятельность и привычки холостяка. Анна же воспринимает это как знак охлаждения с его стороны. Сожительство постепенно становится мучительным, превращается в непрерывную череду ссор и взаимных обид.

Кроме того, Анне приходится делать выбор между Вронским и сыном от Каренина: оставаясь с возлюбленным, она лишается возмож-

ности встречаться с ребенком (один из самых трогательных эпизодов романа — посещение Анной своего прежнего дома и свидание с Сережей).

В финале сходятся все «несчастливые» линии. Анна оказывается совершенно отвергнута обществом: дамы в театре даже не хотят сидеть с ней в соседней ложе. Такое положение для нее мучительно и невыносимо. С другой стороны, она ничего не может изменить, потому что Каренин окончательно отказывает в разводе, и при этом Анна окончательно лишается надежды видеться с сыном. Наконец, она чувствует, что в ее отношениях с Вронским возникла трещина, которая расширяется и углубляется с каждым днем. Анна постоянно ревнует Вронского — как потом выясняется, без всякого повода. «Для нее весь он, со всеми его привычками, мыслями, желаниями, со всем его душевным и физическим складом, был одно — любовь к женщинам, и эта любовь, которая, по ее чувству, должна была быть вся сосредоточена на ней одной, любовь эта уменьшилась; следовательно, по ее рассуждению, он должен был часть любви перенести на других или на другую женщину, — и она ревновала». В финале Анна видит единственный для себя выход — самоубийство. В предсмертном монологе она говорит: «Все неправда, все ложь, все обман, все зло!..»

Действие последней части романа происходит в 1876 году, во время сербского восстания против турецкого ига. Как благородный человек, Вронский винит в случившемся только самого себя и отправляется добровольцем на войну, чтобы наказать себя смертью, но при этом принести пользу людям. В рядах сербов сражались тысячи русских добровольцев, а сербской армией командовал русский генерал Михаил Черняев. Почти вся российская пресса героизировала добровольцев, а главным провозвестником ведущей роли России в решении «восточного вопроса» и объединения славян под эгидой русского императора был Михаил Катков — издатель журнала «Русский вестник», в котором печаталась «Анна Каренина». Разумеется, Каткову не мог понравиться финал романа: участие в деле освобождения «братьев-славян» подано в нем как форма самоубийства: «Я, как человек, — сказал Вронский, — тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, — это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится». Еще меньше понравилось Каткову, что Лёвин — главный герой романа, часто выражающий авторские мысли, — относится к добровольческому движению с осуждением и чуть ли не с насмешкой, как к модному увлечению общества.

Толстой отверг предложенные Катковым поправки, а тот отказался печатать финал. Толстой решил выпустить восьмую часть романа отдельной брошюрой. Катков же поместил в «Русском вестнике» крайне невежливую заметку, смысл которой сводился к тому, что «со смертью героини роман, собственно, кончился», а все остальное «автор, быть может, разовьет... к особому изданию своего романа». Как мы увидим в дальнейшем, не только отъезд Вронского на Балканы, но и изображенные в финале события в жизни Константина Лёвина были на самом деле очень важны для понимания и романа, и творчества Толстого в целом.

Однако линия Анны и Вронского действительно завершилась и потому нуждалась в оценке. Уже первые читатели поняли, что для правильного понимания смысла этой линии романа нужно вернуться к самому началу — к эпиграфу.

«Мне отмщение и Аз воздам», — гласят эти знаменитые строки. Что же они значат?

В Библии похожие слова можно найти в книге Второзакония. В современном переводе они звучат так: «У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них» (Втор. 32: 35). В той форме, в какой они приводятся у Толстого, их произносит апостол Павел в Послании к римлянам: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12: 19). В любом случае эти слова произносит Бог, и они указывают на то, что только у него есть право судить людей за их прегрешения. Однако, как справедливо замечал один из лучших исследователей романа Борис Эйхенбаум, «этот самый бог (уже, несомненно, по воле Толстого как автора романа) считает, по-видимому, нужным „воздать“ Анне за ее преступления». В чем же состоят эти преступления?

Из всех предлагавшихся современниками трактовок эпиграфа (а среди интерпретаторов был и Ф. М. Достоевский, истолковавший его в духе собственных религиозно-философских взглядов) Толстому больше всего понравилась статья Михаила Громеки «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого» (1883). По мнению публициста, эпиграф указывает на отсутствие свободы воли: есть предвечные законы, «и от воли человека зависит согласоваться с ними и быть счастливым или преступать их и быть несчастным». К числу таковых относится закон, гласящий: нельзя построить свое счастье на несчастье другого. «Нельзя разрушить семью, не создав ей несчастья, и на этом старом несчастье нельзя построить нового счастья», — указывал Громека. Однако он также писал: «Нельзя игнорировать общественное мнение

вовсе, потому что, будь оно даже неверно, оно все же есть неустранимое условие спокойствия и свободы, и открытая с ним война отравит, изъязвит и охладит самое пылкое чувство». С этим положением — надо соизмерять свои чувства с общественным мнением — читатель романа вряд ли согласится. Можно привести множество суждений известных литераторов и мыслителей, которые едины в том, что Анна есть прежде всего жертва общественного устройства и общество к ней несправедливо. И потому вопрос о том, в чем же она виновата — причем настолько, что Бог должен покарать ее смертью, — остается открытым.

По всей видимости, прав Эйхенбаум, который писал, что «мысль Толстого, выраженная в этом эпитафье, заключается именно и только в том, что неизбежные последствия „дурного“ — это не месть людей, а собственные страдания, которые „идут не от людей“». Страсти ведут к страданиям, а страдания могут привести к ощущению невыносимости жизни и самоубийству. И сила романа состоит в том, что эта логическая цепочка прослежена в нем во всех своих сцеплениях, звеньях и деталях.

Еще один смысл эпитафья связан уже со взглядами Толстого, развившимися после «Анны Карениной», но отчасти отразившимися и в романе. Как известно, главный тезис философии позднего Толстого сводился к евангельскому изречению Христа: «Не противься злumu». Мысль о непротивлении злу насилием звучит уже в эпитафье к «Анне Карениной»: нельзя воздавать злом за зло; если такое право и есть у кого-либо, то никак не у людей, а только у Бога.

Любовь Анны и Вронского, по Толстому, низший вид любви, греховная плотская любовь. В романе ему противопоставлена любовь Лёвина и Кити. Рассуждение о двух видах любви — земной и небесной — восходит к «Пиру» Платона, а в романе его повторяет Константин Лёвин: «Обе любви служат пробным камнем для людей. Одни люди понимают только одну, другие другую».

История Лёвина и Кити в значительной мере восходит к подлинной истории любви и брака Льва Толстого и Софьи Берс, и вместе с тем это идеал семейных отношений, по Льву Толстому.

После публикации «Анны Карениной» в «Русском вестнике» давний знакомый Толстого, известный педагог, профессор Московского университета Сергей Рачинский написал автору письмо, указав на свойство романа, которое он считал «коренным недостатком» во всем его построении: «В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом — и развиваются великолепно — две темы, ничем не связанные». На первый взгляд может показаться, что это суждение справедливо: Анна и Лёвин встречаются в романе всего один раз. Рачинский указывал

Толстому, что в эпизоде встречи этих героев представлялся «случай связать все нити рассказа и обеспечить за ним целостный финал, но Вы не захотели».

Толстой отвечал на эти упреки словами, которые сейчас цитируются во всех учебниках поэтики и литературного мастерства: «Суждение Ваше об „Анне Карениной“, мне кажется, неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи...» Действительно, в наше время толстовский роман считается идеальным образцом *параллельного* сюжетного построения, при котором две линии, не пересекаясь, оказываются все-таки связаны по принципу сопоставления и противопоставления смысла отдельных эпизодов и характеристик действующих лиц.

Несчастливых семей в романе много: Каренин и Анна, Вронский и Анна, Облонский и Долли. А вот счастливая семья у Толстого только одна: ее сознательно и любовно, после долгих усилий и неудач создают Константин Лёвин и Кити Щербацкая.

Лёвин — герой не только автопсихологический, как многие персонажи раннего Толстого (Николенька Иртенъев в автобиографической трилогии, князь Нехлюдов в рассказах «Утро помещика» и «Люцерн», Оленин в «Казаках»), но и автобиографический. Другими словами, в этом образе воспроизведены не только мысли и чувства, но и реальные события из жизни автора.

Сама фамилия героя происходит от имени Толстого (писатель, следуя простонародному произношению, называл себя «Лёв», и поэтому правильно говорить именно «Лёвин»). Как и Толстой, это богатый помещик, потомок старинного дворянского рода. Раньше он служил в созданных в ходе реформ Александра II земских учреждениях, на которые русская интеллигенция возлагала большие надежды как на демократические органы местного самоуправления, но потом разочаровался. «Я убедился, — говорит он, — что никакой земской деятельности нет и быть не может... с одной стороны, игрушка, играют в парламент... а с другой... стороны, это — средство для уездной coterie наживать деньжонки». Теперь Лёвин занят только «ближним» кругом дел, которые касаются его самого: устройством жизни своей семьи и своих крестьян. Как и другие центральные герои Толстого, он стремится прежде всего к личному счастью, но при этом чувствует, что счастья невозможно достичь, если не заботиться о благополучии зависимых от него людей.

Лёвин — аристократ по рождению и воспитанию. Он получил образование в Московском университете, гордится своими предками:

«...я считаю аристократом себя и людей, подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившихся на высшей степени образования (дарованье и ум — это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед». Но несмотря на воспитание, образование и дворянскую гордость, Лёвин, как и Толстой, чувствует «уважение и какую-то кровную любовь к мужику, всосанную им, как он сам говорил, вероятно, с молоком бабы-кормилицы», и даже подумывает, не жениться ли на крестьянке. При этом его отношение к народу лишено какой бы то ни было сентиментальности и идеализации. Он стремится вникнуть в повседневные нужды и потребности крестьян, трудится наравне с мужиками и больше всего гордится тем, что они называют его «простым баринном (что есть высшая похвала)».

Лёвин похож на Толстого и характером: он чрезвычайно восприимчив к внешним впечатлениям, всегда и во всем искренен, не терпит лжи и лицемерия. Окружающим он кажется грубоватым и невоспитанным, «дикарем». Как и Толстой, Лёвин живет напряженной духовной жизнью, он чрезвычайно внимателен к собственным мыслям и поступкам и сурово осуждает себя за слабости. Его главная забота с ранних лет — нравственное самосовершенствование. Стараясь жить по совести, Лёвин не забывает и об общественных, политических и философских вопросах, он стремится составить обо всем «свое особенное твердое убеждение». Он не догматик и способен при необходимости изменить свое мнение, но только в результате самостоятельных размышлений, а не под чужим давлением и не в результате уговоров.

Разумеется, знакомые Толстого узнавали в этих чертах автора: всем было хорошо известно его упрямство и стремление дойти до всего собственным умом, обращаясь только к первоисточникам, как поступали во все времена религиозные реформаторы. Еще в середине 1850-х Тургенев сравнивал этого «странного человека», Толстого, с фанатиком-кальвинистом. Сам же Толстой любил цитировать слова Мартина Лютера: «Я на этом стою и не могу иначе». Уже после создания «Анны Карениной» вся Россия услышит проповедь тех религиозных и общественных истин, до которых писатель дойдет собственным разумением. Единственное свойство Толстого, которое он не передал своему герою, — это литературный талант. Лёвин не только не обладает толстовским умением описывать вещи и явления предельно наглядно, как впервые увиденные, но и часто испытывает затруднения с выражением своих чувств в словах.

Зато очень близким у Лёвина и его создателя оказывается другое качество — отношение к браку. Толстой с ранних лет мечтал о счаст-

ливой семейной жизни, смотрел на брак как на святыню, неразрывный союз двух душ, полное единение всех помыслов. В одном из писем он признавался: «...я так боюсь брака, что слишком строго и серьезно смотрю на это. Есть люди, которые, женись, думают: „Ну а не удалось тут найти счастье — у меня еще жизнь впереди“, — эта мысль мне никогда не приходит, я все кладу на эту карту. Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю все, свой талант, свое сердце, сопьюсь, картежником сделаюсь, красть буду, ежели не достанет духу зарезаться». Неудивительно, что при таком отношении к женитьбе он очень долго выбирал невесту, приглядывался, пытался представить себе, как могла бы развиваться его дальнейшая жизнь с этой женщиной. В 1859 году из таких воображаемых проектов возможного брака выросла даже целая повесть под названием «Семейное счастье». Наконец в начале 1860-х годов Толстой определился: его избранницей стала восемнадцатилетняя дочь врача Соня Берс; она была младше Льва Николаевича на 16 лет. В июле 1862 года на даче в Ивицах между ними произошло объяснение, которое потом почти без изменений перешло в «Анну Каренину». Вечером, оставшись вдвоем с Соней в комнате, где был покрытый зеленым сукном ломберный стол, Толстой взял мелок и написал ряд букв: «В. П. С. Ж. Н. М. М. С. И. Н. С. И. И. В.» Девушка поняла, что он хотел сказать: «Ваше присутствие слишком живо напоминает мне мою старость и невозможность счастья, и именно вы...» Это было одновременно и признание, и проверка взаимопонимания. В середине сентября Толстой сделал формальное предложение, а уже 23 сентября состоялась свадьба. Близкие свидетельствуют, что множество деталей этой свадьбы получило непосредственное отражение в романе: спешка со свадьбой, задержка жениха с отъездом в церковь из-за того, что вовремя не была приготовлена чистая рубашка, — все это буквально списано с натуры. Лёвин передает Кити свой дневник, который писал специально для невесты, чтобы не скрывать от нее своего прошлого и чтобы между ними не было тайн: точно так же поступил и Толстой (Софью Андреевну, как и Кити в романе, шокировало то, что она прочла в этих «ужасных книгах»). Можно не сомневаться, что и мысли Лёвина во время совершения свадебного обряда Толстой воспроизвел по собственным воспоминаниям.

Лёвин, как и его создатель, с ранних лет мечтал об идеальном браке и рисовал в своем воображении картины будущего семейного счастья: «Его понятия о женитьбе... не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитийских дел; для Лёвина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье». Однако поначалу в своих мечтах он

представляет семейную жизнь таким образом, что жена должна разделять его интересы, и только: «Выйти с женой и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребенка, выхаживали эту телку. Как это может вас так интересовать? — скажет гость. Все, что его интересует, интересует меня». Ее собственный внутренний мир пока остается для Лёвина закрытым, при всех различиях здесь обнаруживается скрытое сходство этого героя с Карениным: увлеченный своим делом человек полагает, что жена должна «раствориться» в его интересах. После женитьбы Лёвин постепенно начинает осознавать ложность этой позиции: он понимает, что Кити тоже хочет какой-то деятельности и что у нее должна быть своя жизнь. Кити в первую очередь стремится стать хозяйкой в доме, и Лёвин ее в этом всячески поддерживает. До свадьбы роль хозяйки в холостяцком доме исполняла старая нянюшка Агафья Михайловна. Теперь новая барыня постепенно забирает у нее бразды правления, но не вытесняет совсем, а делает своей ближайшей помощницей. Вникая в каждую мелочь, Кити учится хозяйствовать и в то же время вносит в новый дом то, чему она научилась в родной семье Щербацких: например, особое умение варить малиновое варенье.

Эти исполненные любви описания повседневной жизни явно контрастируют с эпизодами в роскошном и холодном доме Вронского, где Анна чувствует себя не хозяйкой, а почетной гостьей. «Анна была хозяйкой только по ведению разговора», — замечает навестившая ее Долли. Совместная жизнь Лёвина и Кити противопоставлена жизни Анны и Вронского не только в отношении к семейным обязанностям, но и в главном — в развитии любовных чувств. Если Анна и Вронский с течением времени утрачивают взаимопонимание, их счастье начинают омрачать приступы ревности, некогда близкие люди отчуждаются друг от друга, разгорается их война за личную свободу, то у Лёвина и Кити, наоборот, происходит постепенное духовное сближение, исчезает ревность, они начинают понимать, что воевать нет причин, их интересы с каждым днем сближаются. Меняется и отношение Лёвина к повседневным бытовым делам. Поначалу семейная жизнь представляется ему чем-то возвышенным, сплошной поэзией без ссор и мелких забот. Однако со временем он понимает, что в совместной жизни нет мелочей — важно все, и что ссор избежать невозможно и нужно учиться преодолевать их.

Главное в семье, считал Толстой, дети, и в этом отношении две семьи тоже изображаются по принципу антитезы. Не случайно то, как растёт дочь Анны и Вронского, показано глазами Долли Облонской — многолетней матери. Долли не нравится даже «общий дух детской» в этой «неправильной семье». Да и сама Анна чувствует, что почему-

то не может любить дочь, рожденную от Вронского. Напротив, сын Лёвина и Кити — желанный ребенок, его рождение — главное событие в их жизни (в эпизоде родов Толстой почти натуралистически воссоздал обстоятельства рождения своего первенца, сына Сергея, в 1863 году). Взаимное внимание, предупредительность и уважение друг к другу становятся залогом идеальной семьи.

Лёвин — автобиографический герой не только потому, что в его истории отразились основные моменты семейной жизни Толстого. Не менее важно другое: Толстой наделил его собственными взглядами и сомнениями, заставил совершать некоторые из своих поступков. Многие общественно-политические идеи, которые высказывает Лёвин, близки к поражавшему современников толстовскому консерватизму, временами доходившему до обскурантизма. Так, Лёвин «доказывал, что бедность России происходит не только от неправильного распределения поземельной собственности и ложного направления, но что этому содействовали в последнее время ненормально привитая России внешняя цивилизация, в особенности пути сообщения, железные дороги, повлекшие за собою централизацию в городах, развитие роскоши и вследствие того, в ущерб земледелию, развитие фабричной промышленности, кредита и его спутника — биржевой игры». Именно такое отношение к прогрессу (а вместе с ним к технике, бирже, газетам, врачам и лекарствам, науке в целом) не раз высказывал Толстой, противореча уже не какому-то отдельному политическому течению или философскому направлению, а всему XIX веку, с его безусловной верой в поступательное движение к лучшей жизни и лучшему общественному устройству.

Сюжетная линия Анны и Вронского строится только вокруг личных взаимоотношений героев и отношения к ним света; здесь почти не затрагиваются текущие общественные вопросы (легко можно представить эту линию «перенесенной» во времени на двадцать лет вперед или назад). В истории Лёвина на первый план выходят взаимоотношения дворянина-помещика с народом именно в данный период — 1870-е годы. Как и герой раннего рассказа «Утро помещика» князь Нехлюдов, Лёвин осознает свою социальную роль как долг и ответственность, однако это роль уже не владельца крепостных «душ», а землевладельца и работодателя, который должен выстроить отношения с крестьянами в новых, совершенно непривычных условиях хозяйствования. Именно Лёвину принадлежат знаменитые слова о пореформенной России: «У нас все перевернулось и только укладывается». И в этот момент разброда у каждого есть возможность выбора — от признания права на землю только за теми, кто ее обрабатывает (к этому со временем придет сам Толстой), и до предпринимавшихся мно-

гими крепостниками попыток повернуть все вспять, восстановить старые формы хозяйства и социальных отношений.

Нехлюдов в рассказе «Утро помещика» едет в деревню как благодетель и благотворитель, чтобы устроить дела крестьян, просто отдав им часть своего богатства (например, бесплатно построить им новые избы). Перед Лёвиным — помещиком, отказавшимся от государственной службы и решившим посвятить себя устройству собственного имения, — тоже стоит задача помочь крестьянам. Однако, в отличие от «романтика» Нехлюдова, Лёвин — прагматик, и ему нужно прежде всего устроить свои доходы, обеспечить собственную семью, не обездолив при этом крестьянские семьи. А кроме того, в жизни на земле и в общении с народом он ищет упрочения своего душевного состояния. Таким образом, Лёвин хочет добиться справедливого решения хозяйственных проблем и достичь некоей высшей правды, которая в его представлении связана с народной жизнью. Социально-экономические и религиозно-философские вопросы для него оказываются двумя сторонами одной медали.

У Лёвина нет экономической теории в строгом смысле слова. Он стремится не создавать отвлеченные научные концепции, а понять реальные интересы крестьян и найти практическое решение мешающего жить социального противоречия. Это противоречие он чувствует во всех хозяйственных делах, ежедневно замечая, что «то хозяйство, которое он вел, была только жестокая и упорная борьба между им и работниками... Цель его энергии была самая недостойная... Он стоял за каждый свой грош... а они только стояли за то, чтобы работать спокойно и приятно... Интересы его были им не только чужды и непонятны, но фатально противоположны их самым справедливым интересам». Это напряжение (которое Маркс и Энгельс в ту же эпоху осмыслили как непримиримую классовую борьбу) тяготит Лёвина и требует разрешения. Он внимательно присматривается и прислушивается к тому, как пытаются справиться с этими противоречиями другие помещики. То, что они предлагают, Лёвина не устраивает, однако, когда ему приходится спорить с ними о лучшем устройстве хозяйства, он часто не знает, что возразить.

В романе подробно воспроизводятся характерные для пореформенной эпохи споры о дальнейших путях развития страны. Консерваторы утверждают, что «Россию погубила эмансипация» (то есть отмена крепостного права) и спасти ее может только твердая власть и возврат к дореформенным порядкам. Они уверены, что «русский мужик есть свинья и любит свинство, и, чтобы вывести его из свинства, нужна власть, а ее нет, нужна палка, а мы стали так либеральны, что заменили тысячелетнюю палку вдруг какими-то адвокатами». Крепостники